

УЧЁНЫЙ, РУССКИЙ ПАТРИОТ, НАСТАВНИК

**Светлой памяти моего научного руководителя,
выдающегося русского литературоведа и публициста,
педагога и учителя Михаила Васильевича Минокина – посвящаю**

29 октября исполнилось бы 110 лет профессору, Заслуженному деятелю науки, участнику Великой Отечественной войны, орденоносцу М.В. Минокину.

Улыбчивый, доброжелательный, в высшей степени интеллигентный, скромнейший в быту и общении с родными, близкими и коллегами по Московскому областному университету (бывш. МОПИ – областной педагогический институт им. Н.К. Крупской), никогда не гнавшийся за титулами, должностями и наградами, Михаил Васильевич вместе с тем отличался твёрдостью и непреклонностью в защите русских национальных интересов как в науке, так и в многогранной общественной деятельности.

Уже на склоне лет, уйдя на пенсию, сильно страдая от ран, полученных на фронте, он продолжал активно выступать в печати, создал много концептуальных филологических трудов, руководил подготовкой диссертаций своих аспирантов, в числе коих посчастливилось быть и мне – тогда ещё молодому, человеку, прибывшему в столицу за своей птицей счастья из далёкого кубанского города Армавира...

...Хорошо помню, впервые в жизни рискнул я отправиться со своим скромным выступлением на широкую и представительную научную конференцию в МГУ им. М.В. Ломоносова, посвящённую 75-летию Михаила Шолохова.

Как я выступил перед почтенной учёной публикой – в памяти не отложилось. Голова моя кружилась от неудержимого волнения, я заикался, порой путался в понятиях и специфических терминах, но изо всех сил старался держать марку, внутренне, последней силой воли себя подбадривая: - Ты же казак! Смелей! Отступать некуда. Позади, может быть, навсегда останется Москва!..

Закончив выступление и ответив на вопросы из зала, я неожиданно для себя услышал добрые, поддерживающие меня аплодисменты. В душе перекрестился, прошептал: - Слава Богу!.. И, донельзя взволнованный, сел на своё место.

В перерыве заседания конференции ко мне подошёл высокий, статный, с благородной сединой на висках мужчина и представился:

- Я профессор Минокин, заведую кафедрой советской литературы в МОПИ им. Крупской. Ваше выступление не без изъянов, но стержень его мне понравился. Давно изучаете проблему традиций и новаторства в современной литературе?

Я потупился, не хотелось ударить в грязь лицом, но ответить мэтру филологии мне было просто нечего... Читать романы любимшегося мне писателя Анатолия Иванова я, правда, начал давно, но впервые подступился к ним с научной точки зрения всего месяц – другой тому назад. Так что хвалиться в общем-то было нечем.

Поэтому мой ответ профессору явно затянулся. А изрядно покрасневшие от волнения щёки выдали меня с головой. Тем не менее, придав голосу больше солидности, с подчёркнутым достоинством я изрёк:

- Нет, профессор, изучаю творчество Анатолия Иванова я недавно. Но очень полюбил его, считаю, что творческая школа великого Шолохова серьёзно повлияла на романистику этого яркого советского писателя.

- Правильно считаете! – ободрил меня Михаил Васильевич. И ободряюще улыбнулся, завидев, что я всё больше теряюсь, и уже предательски покраснели не только мои щёки, но и уши пылали сильным пламенем...

- Тогда перейдём к делу, Владимир Александрович, - продолжил профессор. – Обозначенная Вами тема благотворного влияния Михаила Шолохова на современный литературный процесс очень актуальна и перспективна в контексте научного понимания проблемы творческих традиций и новаторства. Автор широко известных романов «Повитель», «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов», бесспорно, впитал в своё творчество богатейший художественный опыт Шолохова, особенно его гениальной эпопеи «Тихий Дон». Вы имеете учёную степень?

- Нет... - робко пролепетал я. – Только мечтаю об этом.

- Тогда предлагаю Вам приехать нынешней осенью в Москву. Дорогу в наш вуз Вы уже знаете. Вот и поговорим о вашей дальнейшей судьбе.

...Так произошла моя первая, памятная встреча с Михаилом Васильевичем Минокиным. Обуреваемый высокими планами и надеждами, в Армавир я прилетел, что называется, на восторженных крыльях!..

Осенью я успешно сдал вступительные экзамены в аспирантуру, и под чутким руководством моего любимого профессора Минокина у меня начался новый, совершенно неведомый мне этап исследовательской работы, да ещё в столице!.. До птицы счастья было ещё очень далеко, но судьба мне явно улыбнулась.

Но речь в моём воспоминании пойдёт не обо мне.

...В 1950 – 60-х годах появилась в стране целая плеяда ярких учёных – литературоведов, вышедших из глубин народа, чаще всего из крестьянских семей. Почти все они были на войне, потеряли своих товарищей, таких же, как они, молодых, сильных, крепких, вернулись в родной дом израненными, контуженными, но остро жаждавшими учиться и учить других страстной любви к литературе и науке о ней. Они жадно приобщились к знаниям после жестоких дней и ночей войны, чтобы наверстать упущенное за военное лихолетье, продолжить дело защиты не только родной земли, но и русской культуры, её исконных духовных ценностей.

А защищать в мирной жизни было чего: в литературе, искусстве, в идеологической и общественно – политической сфере государства послевоенных лет отчётливо наметились разрушительные антинациональные тенденции, откровенно покушавшиеся на веками сложившиеся в русской культуре ценностные ориентиры и традиции. Усилились враждебные происки не только со стороны западных недругов, но и отдельных доморожденных, русофобски настроенных поэтов и писателей, попавших под прямое или косвенное влияние западных «заботников», поставивших себе цель свалить великую советскую державу если не мытьём, так катаньем, разложив её морально, нравственно, идейно, делая ставку на молодёжь, разлагая её, всеми силами завлекая мнимым «распрекрасным западным образом жизни»...

Сильный удар нашей стране, её международному авторитету, культуре, искусству нанесла пресловутая хрущёвская «оттепель», по меткому, саркастическому замечанию видного современного историка Евгения Спицына – «хрущёвская

слякоть»... Без преувеличения, говоря публицистическим слогом 1920-х годов, «черная гидра контрреволюции вновь подняла голову и забряцала своим оружием» не только у наших границ, но и в самом сердце Отечества.

Но не дрогнули фронтовики! Не сдались, не остались в стороне боевые друзья, ставшие к тому времени профессорами, академиками, заслуженными деятелями литературы и искусства.

Оставаясь несгибаемыми, убеждёнными с фронтовых лет патриотами, крепко храня в памяти заветы своих погибших за родину товарищей, именно они выработывали основополагающие методологические ориентиры для писателей – единомышленников, дали путёвку в жизнь знаменитым впоследствии авторам так называемой «окопной правды», «лейтенантской» прозы, по праву возведя на литературный пьедестал Юрия Бондарева, Владимира Карпова, Петра Проскурина, Анатолия Иванова, Владимира Богомолова, Ивана Стаднюка, многих других писателей, для которых священная память Великой Отечественной войны стала ключевой в их творчестве.

Учёные создавали учебники и учебные пособия для школ и вузов, растили себе на смену молодую научно – творческую поросль, решительно не позволяли дискриминировать подлинную литературу, подменять её русскоязычными поделками.

К тому времени в стране сложились две мощные школы учёных – литературоведов – московская и ленинградская. Они не враждовали, не противодействовали друг другу, но успешно культивировали свои методологические принципы, научные направления, по – здоровому творчески конкурировали, отстаивая яркие художественные имена и приоритеты.

Представительную московскую школу возглавляли именитые профессора международного звучания: А.И. Метченко, А.И. Овчаренко, П.Ф. Юшин, Ф.Х. Власов, С.М. Петров, Ф.Ф. Кузнецов, С.И. Шешуков, П.И. Плукш и другие. В неё входил и Михаил Васильевич Минокин. Тогда было много подлинно масштабных учёных, широко известных не только в стране, но и за рубежом.

Творчески мощной была и ленинградская школа учёных – филологов: Н.Н. Скатов, Л.Ф. Ершов, А.И. Филатова, С.В. Касторский, Н.К. Писканов, В.А. Десницкий, К.Д. Муратова. В особенности выделялись профессора – русисты А.С. Бушмин, А.И. Хватов, Л.В. Ершов, П.С. Выходцев, с которыми мне посчастливилось общаться, слушать их искромётные лекции, участвовать в научных симпозиумах, «круглых столах» и т.д.

Круг научных интересов и пристрастий М.В. Минокина был тесно связан с русской прозой предоктябрьских и послеоктябрьских лет и её художественным воздействием на современный литературный процесс. Он посвятил научные исследования В.В. Иванову, И. Вольнову, И. Бунину, М. Горькому, А. Фадееву, К. Федину, Л. Леонову, оригинальной литературной группировке «Серрапионовы братья», писателям, пишущим о русской деревне дореволюционной и послереволюционной поры. Одним из первых мой научный руководитель перекинул мост творческой связи между писателями разных идеологических эпох и художественных направлений.

Немало внимания он уделял теоретическим и учебно - методическим вопросам, активно участвовал в составлении программ по литературе для вузов и средних школ и учебных планов, помогая преподавателям школ и вузов объективно оценивать и анализировать сложный и многогранный литературный процесс.

Будучи добросовестным, увлекающимся, фанатично преданным науке, Михаил Васильевич много работал в архивах, открыл читателю новые имена ярких русских прозаиков: Бориса Тимофеева, Илью Сургучёва, Георгия Суворова; дополнял новыми фактами страницы жизни и деятельности знаменитых писателей, благодаря чему уточнялись репутации, подвергались пересмотру устоявшиеся мнения и позиции.

Солидаризируясь с другими новаторски мыслящими литературоведами, М.В. Минокин смело говорил и писал об огромной и во многом определяющей роли Православия в развитии русской классической литературы, и не только в период её дореволюционного развития, но и после октября 1917 года, когда на религиозную деятельность в стране было наложено жёсткое табу.

Надо ли говорить, какой реальной опасности он подвергал себя в условиях процветающих идеологических догматов и яркой непримиримости большевистской власти к такого рода научным изысканиям, особенно в условиях перманентных агрессивных нападок той русофобской части «научной» публики, которая, ловко маскируясь в советских ортодоксов, в сущности люто ненавидела и русскую национальную литературу, культуру, историю, и всё, что связано с русским национальным самосознанием.

...Родился М.В. Минокин 29 октября 1911 года в селе Салба Краснотуранского района Красноярского края в семье крестьянина (передаю со слов самого учёного). На Дону и Кубани, как мы знаем, в 1920-е годы свирепствовало поголовное «раскулачивание» состоятельного и средней обеспеченности казачества. Сельских тружеников шельмовали «кулаками» и подвергали жестоким репрессиям: отбирали у них всё имущество, ссылали на чужбину, как правило, на крайний север и в далекую Сибирь, а то и без лишних разбирательств ликвидировали «как класс», якобы враждебный новой советской власти...

Часто пишут, что «раскулачивание» не коснулось сибирского региона. Ещё как тяжело и кроваво «коснулось»!.. Там, как на Дону и Кубани, жестоко «раскулачивали», ссылали к «чёрту на кулички», как тихо, с оглядкой говорили в народе, лишали гражданских прав, запрещали учиться в учебных заведениях...

Но, к счастью, родители маленького Миши оказались такими бедными, что власть не покусилась на их судьбу и судьбу сына. Больше того, мальчик успешно закончил школу. А после окончания Томского педучилища молодой педагог Михаил Минокин работал учителем русского языка и литературы на севере Томской области.

После окончания Красноярского пединститута он начал трудиться сначала в Козульской средней школе, а затем учителем и завучем средней школы №2 города Абакана.

Уже во время войны молодой педагог нашёл своё семейное счастье, женился на коллеге по школе – учительнице русского языка и литературы Прасковье Фёдоровне Ковалёвой. Но вскоре надолго разлучился с семьёй. С декабря 1942 - го по январь 1945 года М.В. Минокин рядовой действующей армии. Родившуюся в 43-м дочку увидел, когда она уже строчила наизусть детские стишки...

Вернувшись из армии в Абакан, он трудился в местном институте усовершенствования учителей, затем был принят преподавателем на кафедру литературы в Абаканский пединститут.

В 1949 году семья Минокиных переехала в Орёл – «поближе к Москве, с её превосходными архивами и библиотеками», как говорил Михаил Васильевич. Здесь он вместе с супругой проработал 18 лет, регулярно наезжая в столицу, упорно занимаясь научно – исследовательской работой. В 1949 году в Московском педагогическом институте им. В.И. Ленина успешно защитил кандидатскую диссертацию, а в 1968 году – докторскую.

После двух лет работы в качестве доцента Московского института культуры с октября 1970 года М.В. Минокин на конкурсной основе был избран профессором кафедры советской литературы в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской. В течение десяти лет он заведовал кафедрой (1975 – 1985). Был научным руководителем и консультантом аспирантов и докторантов – специалистов из многих городов России, Узбекистана (из Бухары, Ташкента, Самарканда), Украины (из Киева, Львова, Полтавы, Симферополя), преподавателей из Польши, Чехословакии, ГДР и др.

Глубоко вдумчивый и талантливый педагог, Михаил Васильевич умел находить способных учеников, ставших впоследствии крупными филологами, помогал молодым учёным развить их научно-творческое дарование. Не менее умелым он был организатором. Студенты и преподаватели надолго запомнили прекрасные встречи с поэтами и писателями на филологическом факультете: с М. Дудиным, Ю. Бондаревым, А. Ивановым, В. Фёдоровым, П. Проскуриным, поездку к Леониду Леонову – всё это по инициативе и при непосредственном участии заведующего кафедрой.

Встреча с широко известным советским писателем Виктором Астафьевым повлекла за собой активную переписку, острую полемику по вопросу объективной трактовки Великой Отечественной войны в отечественной литературе. Восхищаясь хорошим знанием писателя фронтовых реалий, идущий от его личного военного опыта, профессор вместе с тем отмечал целый ряд концептуальных мировоззренческих ошибок и заблуждений Виктора Астафьева в трактовке причин начала Великой Отечественной войны, исторической роли И.В. Сталина и др.

Имя М.В. Минокина, бесспорно, подтверждало высокое звание профессора – русиста, отличавшегося универсальной эрудицией, глубиной знаний мирового литературного процесса, доскональным знакомством с творчеством выдающихся писателей – современников: М. Шолохова, Л. Леонова, В. Шишкова, М. Булгакова, Ю. Бондарева, А. Иванова, В. Шукшина, Д. Балашова, В. Чивилихина, В. Белова, П. Проскурина и других.

Отдавая должное творческому методу социалистического реализма, связывая с ним немалые достижения советской литературы, М.В. Минокин показал, что эстетическое и духовное богатство русской литературы XX века не укладывается только в рамки этого метода, в острой полемической борьбе с оппонентами он блистательно доказал, что в советской литературе XX века был и яркий романтизм, и критический реализм, и фантастический реализм, другие перспективные художественные методы и течения.

М.В. Минокин был активным участником многолетней борьбы за восстановление доброго и честного имени в литературе Михаила Александровича Шолохова как подлинного автора эпопеи «Тихий Дон». В разгар полемики вокруг вопроса о пресловутом «плагиате» этого гениального произведения учёный решительно, опираясь на научные данные, выступил в центральной печати с большой статьёй - «Защитим роман Михаила Шолохова «Тихий Дон», где с убедительной аргументацией и неопровержимыми фактами доказал принадлежность этого произведения именно руке М.А. Шолохова.

Особенно жёсткую отповедь получил, видимо, распираемый завистью к всемирной славе автора «Тихого Дона», А.И. Солженицын за постоянные нападки на Шолохова, за свою лживую, пасквильную книгу «Стремя «Тихого Дона»...

В Москве наиболее близкими себе по духу специалистами - литературоведами М.В. Минокин считал профессоров Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова А.И. Метченко, А.И. Овчаренко и С.М. Петрова. Неизменную поддержку он получал у профессуры провинциальных вузов, в том числе Тверского университета, в котором пришлось многие годы трудиться автору этих строк.

Начиная с 60-х годов, в советской науке о литературе и литературной критике всё более усиливалась внутренняя мировоззренческая борьба с различными идеологическими группировками и течениями. Под активным подрывным воздействием Запада процесс диссидентства охватил доморощенную «кухонную интеллигенцию», быстро забывшую, кто её спас от фашистских концлагерей и печей...

В противовес этим, зачастую русоненавистническим, разваливающим основы не только советского, но и Российского государства и общества тенденциям, формировались устойчивые патриотические силы, ведомые талантливыми русскими учёными – бывшими фронтовиками.

Под флагом борьбы с советской идеологической машиной либеральной публикой повелась жестокая атака прежде всего против защитников русской культуры, исконных отечественных ценностей и традиций, что впоследствии дало основание писателю Валентину Распутину горько заметить о нескрываемых идеологических диверсиях Запада: «Якобы целили в коммунизм, а попали в Россию!..» Это утверждение честно поддержали и те диссиденты, кто впоследствии разочаровался в «красивых цацках» западных недругов и честно признался в своих идеологических заблуждениях – Александр Зиновьев, Владимир Максимов и другие.

Патриотически настроенными историками советской литературы – и «москвичами», и «ленинградцами» - на высочайшем профессиональном уровне проводилась колоссальная работа по защите исконных национальных художественно-эстетических традиций, подготовке научной смены. Русские учёные – подвижники этой эпохи, к сожалению, не успели оставить мемуаров, но именно они в своих исследовательских трудах и лекциях способствовали возрождению идеологии, ориентированной на наши общенациональные ценности, укрепляли дружбу народов многонациональной страны, сеяли разумное, доброе, вечное во имя сохранения творческих завоеваний, сделанных великими предтечами.

К примеру, в ряде своих публикаций М.В. Минокин решительно утверждал, что Максим Горький был не столько великим «пролетарским», сколько общерусским

писателем, что выдающийся русский поэт Сергей Есенин, длительное время несправедливо запрещённый для чтения и изучения в СССР, художественно ярко выразил революционный разлом в российском общественном сознании, печально воспел трагедию крушения векового уклада русской жизни, а его временный большевистский «уклон» - всего лишь сиюминутная дань новому советскому времени, в котором поэт очень скоро разочаровался. Григорий Мелехов у Шолохова никакой не «отщепенец», как оголтело кричали на всех углах «пролетарски» мыслящие идеологи-ортодоксы, а ярчайший выразитель лучших духовных качеств русского народа, невольно брошенного в кипящий котёл чуждых ему революционных потрясений...

В учебных программах филологических факультетов вузов и средних школ тогда отсутствовали имена видных писателей русской послереволюционной эмиграции. Из уст Михаила Васильевича я впервые узнал о ярком и самобытном творчестве Бориса Зайцева, Ивана Шмелёва, Петра Краснова, Романа Гуля, Михаила Каратеева, Василия Криворотова, Ивана Лукаша, Григория Климова, Владимира Максимова...

«Придёт скоро время, когда мы громко и открыто признаем: по силе творческого дарования эти художники слова стоят в одном ряду с лучшими русскими писателями XX века, - вдохновенно пророчил своим ученикам профессор Минокин. – Нельзя в полном объёме представить отечественную литературу вне континента, имя которому – писатели русского зарубежья. Почти все они прошли сквозь уничтожающее пламя революции и кровавой гражданской войны и выстрадали свои произведения на собственном трагическом жизненном опыте отлучения от самого дорогого, что есть у человека, - Родины...

Обращая свой взор на самобытных поэтов, у которых глубоко и поэтично выражено русское национальное начало, М.В. Минокин предлагал глубже понять есенинскую творческую школу, позже глубоко воплотившуюся в поэзии наших современников – Николая Рубцова, Ярослава Смелякова, Сергея Викулова, Анатолия Передреева, Николая Зиновьева...

С нескрываемым осуждением и презрением профессор относился к писателям и поэтам космополитического толка, бездумно преклоняющимся перед ложными европейскими ценностями в ущерб русской национальной культуре и духовности. О таких окололитературных перевёртышах и времени, их породившем, А. Передреев позже напишет:

Всё беззащитнее душа
В тисках расчётливого мира,
Что сотворил себе кумира
Из тёмной власти барыша...

Но ещё раньше на эту острую тему громко прозвучало чрезвычайно созвучное нашим дням жёсткое откровение Сергея Есенина:

Кто б знал, как мы устали
От мерзких душ гнилых людей,

Как жить невыносимо стало
Средь этих тварей и бл..ей...

Горячо и пылко мы, тогда молодые аспиранты, спорили также о запрещённом и высланном из СССР Солженицыне. Терпеливо слушая нашу крикливо - запальчивую полемику, Михаил Васильевич в споры не вступал, понимающе улыбался, а потом мягко, без искусственного нажима, но твёрдо подводил итог, что рассказ «Матрёнин двор» Солженицына, безусловно, правдив, густыми, мрачными тонами отобразил жизнь советской деревни со всеми её драмами и трагедиями послевоенных лет. Но, оказавшись за рубежом и, несомненно, попав в руки западных спецслужб, Солженицын стал их послушным орудием в идеологической борьбе двух систем – социалистической и капиталистической.

«Пройдёт время – и картина с Солженицыным до конца прояснится, - спокойно рассуждал мудрый профессор. – Не исключаю, что он и сам скоро откажется от своих панегирических речей в адрес давшего ему пристанище Запада, когда увидит вблизи и вскрыет для себя его антигуманистическое буржуазное нутро, поймёт его ненавистническое отношение к нашей стране... Жизненная и творческая судьба Солженицына – это не только его личная драма горьких разочарований, метаний, трудных поисков и противоречий, это драма многих одарённых художников слова, бездумно променявших свою родину-мать Россию на якобы «свободный» и «сытый» Запад. Не зря же немало таких диссидентов, полностью разочаровавшись в своём ошибочном выборе, позже будут каяться и вернуться под крыло великодушно простившей их Родины или кардинально изменят своё русофобское мировоззрение. Но есть, к сожалению, и такие, кто неприязнь и ненависть к нашему Отечеству сделают своей профессией и будут рьяно демонстрировать до конца своей жизни...»

Под прямым влиянием добрых советов и научных рекомендаций М.В. Минокина я рискнул написать учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов вузов «Исторический роман русского зарубежья» (1995 г.), которое, не считите за нескромность, востребовано научными центрами и библиотеками в нашей стране, пользуется большим спросом у студентов, аспирантов и учёных-коллег. А затем приступил к написанию докторской диссертации «Русский исторический роман 1970 – 80-х годов. Жанровые традиции и новаторство». В 1993 году диссертация под непосредственным консультированием, опять-таки по-отцовски благословлённая профессором М.В. Минокиным, была успешно мной защищена в Москве и утверждена ВАКом.

М.В. Минокин вёл большую работу по собиранию сил передовой русской литературы. Он был авторитетным литературным критиком, внимательно следил за молодыми талантами, поддерживал их в начале творческого пути, активно помогал своим вдохновенным словом берущим тогда свой творческий разбег Анатолию Иванову, Петру Проскурину, Василию Шукшину, Василию Белову, Евгению Носову и многим другим.

Как почётный член редколлегии нескольких патриотических журналов, он поддерживал талантливых русских писателей, литературоведов, публицистов не только словом, но и делом, часто помогая материально нуждающимся, только что вступившим на трудную творческую стезю.

Часто бывая в гостях у Михаила Васильевича, я с восторгом наблюдал, как профессор в свои почтенные годы активно работал, очень много читал, заражая своей кипучей энергией молодых учёных, вёл огромную переписку с писателями, известными деятелями науки и культуры. Вокруг него группировались яркие творческие силы русской национально-патриотической ориентации.

Учёный начисто был лишён академической чопорности и сухости. Нравственное обаяние Михаила Васильевича я объясняю его трудовым крестьянским происхождением и русским национальным мировоззрением. Не потому ли его так магнетически притягивала к себе так называемая «деревенская проза» - В. Белов, В. Распутин, Е. Носов, В. Шукшин, А. Иванов, П. Проскурин?.. В ней он прозорливо видел первородство русской души, православно – христианскую основу нашего национального характера.

Семья Минокиных, прежде всего сама хозяйка дома Прасковья Фёдоровна (она же учёный, тонкий исследователь и большой знаток отечественной словесности XIX века), отличалась необыкновенным радушием и гостеприимством. Частые дружеские чаепития аспирантов и студентов на квартире у любимого профессора нередко превращались в незапланированные горячие дискуссии, обсуждения ярких литературных новинок, имён, что интеллектуально и духовно обогащало молодёжь, порой куда больше официальных вузовских лекций и семинаров...

Много студентов и аспирантов, ныне ставших известными учёными, педагогами, сотрудниками научных центров, поминают профессора М.В. Минокина добрыми словами и в Москве, и в областном педагогическом университете, где он долго трудился, и в педвузах и университетах городов Абакана, Орла, где начинал свою столь насыщенную и блистательную научно – педагогическую карьеру молодой, элегантный филолог, русский интеллигент в высшей степени этого слова – Михаил Васильевич Минокин.

...В 1985 году после тяжёлого заболевания М.В. Минокин стал пенсионером, но не оставил научных занятий. Продолжал руководить деятельностью аспирантов, вплоть до последней своей весны оставался членом специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при МПУ, публиковал статьи в газетах и крупных журналах, выступал как автор глав учебного пособия для студентов (Тверь, 1998).

В некрологе, посвящённом памяти выдающегося русского учёного-патриота, в частности, говорилось: «Преподаватели университета, коллеги и ученики, бывшие студенты, которых он учил и воспитывал, все, кому он дарил тепло своей души, будут помнить о М.В. Минокине, как о честном воине, участнике Великой Отечественной войны, добросовестном учёном, талантливым педагоге, доброжелательном человеке».

Благородная память об учёном, подвижнике, русском патриоте остаётся живой, как живы и востребованы его замечательные труды о русской изящной словесности.

...Нередко студенты и аспиранты меня спрашивают: «Вот Вы, Владимир Александрович, часто говорите, что лучшие творческие силы страны послевоенных лет, российские учёные, чья юность выпала на страшные годы испытаний в Великой Отечественной войне, получили сильную живительную закалку в жестоких испытаниях и потому в мирной жизни показали себя бесстрашными бойцами за нашу

литературу, культуру, искусство, почему и успешно побеждали своих идеологических оппонентов. Что же мешает нынешнему поколению российской профессуры, нашей молодёжи, обществу в целом быть такими же боевитыми в защите наших национальных интересов? Почему мы то и дело прогибаемся перед жестоким напором враждебных России сил?..

Ох, как не просто со всей глубиной, искренностью и, главное, доказательностью ответить на этот вопрос!.. Но отвечать надо. И не просто отвечать, а повести своим правдивым словом неравнодушную молодёжь за собой. Повести не циничной ложью, не утопическими иллюзиями, не одурманивающим заманиванием в райские кущи, как то ловко научились делать наши оппоненты - русоненавистники.

Следуя морально-этическим и духовным заветам своего мудрого научного руководителя, оптимальным ответом я считаю такой: надо ни в коем случае не терять свою национальную бдительность, необходимо зорко видеть и чётко понимать, что сейчас, как и в годы Великой Отечественной войны, идёт историческая битва за высокую Правду, за истинно народную литературу и народное искусство, по большому счёту - за будущее России: быть ей или бесследно раствориться в туманном историческом пространстве...

Никакие идейные компромиссы с нашими западными оппонентами – русофобами в этой битве невозможны и недопустимы. Иначе случится крайне опасное поражение, грозящее гибелью всех и каждого, гибелью будущих поколений. Как на фронтах Великой Отечественной стояли насмерть наши отцы и деды, так и сегодня мы, современники, призваны стоять до последнего за наши исконные национальные ценности и интересы, за нашу священную Родину. Иного – не дано. Третьего пути – нет. Каждый обязан защищать своё отечество из своего окопа. На войне, как на войне.

М.В. Минокин прекрасно это понимал и действовал мужественно и смело, как учёный – боец, согласно суровой фронтовой обстановке. «Каждый сам кузнец своей судьбы, - любил произносить латинское изречение профессор. И неизменно при этом добавлял: - Но и судьбу своей Родины мы тоже призваны ковать сами...»

**Владимир Юдин,
профессор,
Тверь**